

Геоэкономическая конкуренция ведущих стран в Центральной Азии

© 2017 Цой Артур Вадимович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

E-mail: tsoyartur1331@gmail.com

Центральная Азия является важной составной частью большого евразийского пространства, разворачивается активная геополитическая и геоэкономическая конкуренция. Статья посвящена выявлению причин возрастания конкуренции в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, ЕС, ЕАЭС, ЭПШП, СНГ, ШОС, евразийская интеграция, шелковый путь.

Введение

Центральная Азия в XXI в. стала заметным фактором в геоэкономике и геополитике. Принятие термина “Евразия” как широкой группировки ряда государств и позиционирование этого образования как нового центра экономического роста не могли не привлечь к нему внимания ведущих стран мира. Общее мнение различных аналитиков, что XXI в. будет тихоокеанским веком развития, начинает корректироваться прогнозами о новом “евразийском веке”. “Регион Евразия” включает в себя в различных его определениях широкий круг стран - от Турции и Ирана до Индонезии, от Норвегии до Вьетнама, но, в любом случае, вбирает и страны Центральной Азии.

Стимулирующим фактором к в той или иной степени адекватному ответу по вопросу активизации внимания к Центрально-Азиатскому региону стала инициатива Китая, Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), с ее пятью пунктами сотрудничества в странах Центральной Азии. При этом китайская сторона декларирует, что ЭПШП не исключает существующих механизмов регионального сотрудничества, таких как ЕАЭС и даже проект “Новый шелковый путь”. Фактически Китай объявляет Центральную Азию пространством свободной конкуренции и открытой борьбы за ее геостратегическое положение, ресурсы, экономические дивиденды.

Исходя из такого посыла, ведущие государства мира инициировали ряд проектов по освоению региона Центральной Азии. И конечно, основным проектом, не считая ЕАЭС, о котором речь пойдет ниже, стала инициатива ЭПШП.

Во-первых, одной из важнейших сторон внешнеэкономического вектора концепции “Один пояс - один путь” (ОПОП) является экспансия Китая в страны Центральной Азии, которые рассматриваются в качестве сухопутного “моста”,

связывающего Азию, АТР с Европой. Экономические интересы Китая в Центральной Азии концентрируются в экономической сфере: на сотрудничестве в области энергетики для обеспечения прежде всего нужд растущей китайской экономики, на обеспечении ее энергетической безопасности. Так, Китай предполагает получать: из Казахстана 20 млн т нефти, из стран Центральной Азии - 85 млрд м³ природного газа ежегодно. Китай выступает за интеграцию рынка углеводорода стран Центральной Азии в мировой энергетический рынок, без монополии “любых сил на энергетические ресурсы Центральной Азии”¹. Фактически сфера углеводородных ресурсов центрально-азиатских стран объявляется территорией “свободной охоты”.

Во-вторых, концепция развития ЭПШП предполагает развитие торгово-экономических связей центральных и западных провинций Китая со странами Центральной Азии, а также с Россией и Европой.

В-третьих, Китай, опираясь на концепцию “моста” в отношении стран Центральной Азии, рассматривает их в основном как транзитный регион, транспортно-логистический хаб по перевалке китайских товаров, с созданием соответствующей инфраструктуры. При этом китайская сторона обещает этим странам развивать их экспортный потенциал.

В-четвертых, реализация указанных целей центрально-азиатскими странами должна опираться на активное торгово-экономическое сотрудничество. Китайская экспансия в регион началась задолго до провозглашения и реализации проекта ЭПШП. Так, объем торговли со странами Центрально-Азиатского региона в 2014 г. превысил 46 млрд долл. Накопленный объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из КНР составил 7,82 млрд долл. (2012). При этом Казахстан стал третьей крупнейшей страной по по-

лучению ПИИ из Китая и самым крупным инвестором в Узбекистане.

Прямые иностранные инвестиции играют важную, но всякий раз ключевую роль в долгосрочной политике Китая по продвижению своих позиций в странах Центральной Азии и ЕАЭС. Китай применяет комплексный подход, означающий льготные кредиты (в том числе “сверенные”), подрядные работы, обязательство от заказчика использовать китайскую рабочую силу. Так, например, в Таджикистане был использован механизм инвестиций в обмен на природные ресурсы, когда в обмен на строительство ТЭЦ-2 в Душанбе китайской стороне было предоставлено право на проведение геологоразведочных работ на двух золоторудных месторождениях с последующей передачей права на освоение одного из них.

Китайская модель инвестирования с использованием собственного оборудования, технологий и рабочей силы не способствует использованию местных ресурсов, как при традиционной схеме ПИИ, в частности использовании местной рабочей силы. Растет и задолженность стран, которые не могут расплатиться по китайским кредитам. В результате отдельные объекты, построенные с помощью китайских компаний застройщиков, переходят в их собственность в счет уплаты долга.

Центром инвестиционной экспансии Китая в Центральной Азии является Казахстан. Общий объем инвестиций в эту страну оценивается в 22-25 млрд долл.² В отраслевой структуре китайских инвестиций преобладает ТЭК, где, по разным оценкам, сосредоточено от 50 до 90 % всех накопленных китайских инвестиций. Другим заметным направлением китайских вложений в республику является транспортная отрасль. Китай стремится диверсифицировать свою инвестиционную деятельность. В 2015 г. в рамках совместной китайско-казахстанской инвестиционной программы было отобрано 52 проекта, с общим объемом инвестиций около 22 млрд долл.

Среди других стран Центральной Азии, включая ЕАЭС, можно отметить строящийся нефтеперерабатывающий завод в г. Токмеке (Кыргызстан), приток китайских ПИИ в Таджикистан в металлургический и строительный секторы, также запланировано строительство двух цементных заводов. Одна из стран ЕАЭС Киргизия предложила Китаю “перенести из Китая избыточные предприятия” в рамках 40 проектов. Под размещение китайских объектов предлагаются площадки неработающих заводов³. Это предложение связано со многими проблемами, в частности с недостатком электроэнергии и не-

обходимостью поставок сырья и полуфабрикатов. Кроме того, следует иметь в виду, что Китай стремится выводить за пределы страны “грязные” в экологическом смысле предприятия, малоэффективные. При этом используется китайская схема инвестирования: ПИИ, технологии, специалисты, рабочая сила – китайские. Надежды оживить местный рынок, провести реиндустриализацию в интересах киргизской стороны могут оказаться не столь радужными при реализации.

Следует констатировать, что инвестиционная деятельность Китая в странах Центральной Азии и ЕАЭС становится более диверсифицированной, комплексной. Упор на инвестиции в сырьевые проекты дополняется экспортом китайских технологий, кредитов. Это может способствовать нарастанию зависимости отдельных стран от китайской экспансии, если не проводить соответствующие корректирующие данный процесс политики.

Концепции развитых стран в освоении ресурсов Центральной Азии

Кроме Китая и России, свои программы использования ресурсов Центральной Азии выдвинул ряд стран: США – концепцию “Новый шелковый путь”; ЕС – новую стратегию для Центральной Азии – “План Восточного партнерства”; Япония – “Шелковый путь”; Республика Корея – “Евразийскую инициативу”.

США с середины 1990-х гг. стремились сформировать зону своего влияния в Центральной Азии. В рамках своей азиатской политики США продвигали идею строительства газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ)⁴. Кроме того, США поддерживали идею строительства Транскаспийского газопровода из Туркменистана в Азербайджан в обход России. Реализация этой идеи способствовала бы повышению независимости стран Центральной Азии от российского транзита и снизила бы энергетическую зависимость ЕС от российских поставок газа. Транскаспийский газопровод должен был стать частью проекта газовых поставок проекта Nabucco. Основные геополитические интересы США в Центральной Азии были связаны с Афганистаном, в особенности после вывода оттуда войск международной коалиции. В этой связи концепция “Новый шелковый путь” (НШП), озвученная в июле 2011 г. тогдашним госсекретарем США Х. Клинтон в г. Ченнай (Индия), являлась частью афганской стратегии США⁵. Постепенно данный проект освободился от сугубо афганской окраски и приобрел характер, обуславливающий общую стратегию США в Центрально-Азиатском регионе.

Реализация рассматриваемого проекта, несмотря на некоторые результаты, в целом шла по затухающей кривой, стремящейся вниз. И после 2013 г. в США он практически не упоминается. Однако США не оставляют попыток урегулировать ситуацию в Афганистане и не отказались от стратегии НШП, привлекая для этого соседей данной страны. С этой целью США инициировали новый формат политики в этом регионе, создав т. н. “С5+1”, т.е. 5 центрально-азиатских стран плюс США.

Суть стратегии США в отношении стран Центральной Азии, по определению американской стороны, – помочь региону интегрироваться в мировую экономику через развитие инфраструктуры, повышение конкурентоспособности экономик, привлечение инвестиций в реализацию новых программ, в частности по изменению климата и Smart Waters (“Умная вода”)⁶.

Основной целью США в Центральной Азии в силу того, что американцы, по заявлению бывшего президента Б. Обамы, не видят в Средней Азии жизненно важного для себя региона, является противопоставить свои инициативы активно действующему в регионе Китаю. Вместе с тем эпизодические всплески американского интереса к Центральной Азии имеют существенную связь с необходимостью поддержки ТНК США, которые оперируют в регионе. Так, из 120 иностранных компаний, работавших в Туркмении, каждая пятая была связана с американским капиталом. Существенны позиции американских ТНК и в Казахстане, нащупываются и каналы расширения присутствия крупных корпораций в Узбекистане и Таджикистане.

Европейский союз (ЕС) долгое время интересовался проблемами и возможностями Центральной Азии. Концепция внешних связей ЕС представляет, по определению члена германского совета по международным делам Ш. Майстера, “концентрические круги, достигающие в наиболее удаленной их точке Центральной Азии. Центральная Азия в соответствии с этой концепцией не является важным для ЕС рынком, а регион в целом имеет второстепенное значение”⁷.

Тем не менее Центрально-азиатская стратегия ЕС, разработанная в 2007 г., была нацелена на усиление его роли в регионе. Основные направления стратегии включали развитие торговли, инвестиции, сотрудничество в области энергетики и транспорта, проблемы окружающей среды и управление водными ресурсами. Особое внимание уделялось соблюдению прав человека и верховенству закона, развитию молодежи и образованию. Центрально-азиатская стратегия ЕС направлена и на стабилизацию региона, созда-

ние платформы для экономического сотрудничества и сотрудничества в сфере безопасности, а также экспорта норм и стандартов ЕС. В 2007-2013 гг. ЕС выделил на реализацию принятой стратегии 750 млн евро⁸.

Центральным вектором стратегии ЕС в Среднеазиатском регионе является Казахстан, на который приходится две трети торговли со странами региона. В ходе афганской операции ИСАФ (международные силы содействия безопасности в Афганистане) основной интерес ЕС сместился на Афганистан. После вывода сил ИСАФ из Афганистана ЕС вернулся к Центральной Азии “скорее наблюдателем, чем игроком”⁹. Основными причинами такой позиции являются инвестиционная непривлекательность, неразвитость рынков, отсутствие верховенства закона, отсутствие единых стандартов сотрудничества, слабость государств по обеспечению безопасности бизнеса.

Тем не менее в ЕС все же сохраняются намерения играть в странах Центральной Азии более весомую роль. Для обеспечения этих намерений бюджет ЕС для Центральной Азии на 2014- 2020 гг. был увеличен до 1,03 млрд евро. Согласно Решениям Совета по стратегии ЕС для Центральной Азии (июнь 2015 г.) ЕС усилит свои торговые связи и энергетическое сотрудничество и улучшит контакты по безопасности и стабильности в регионе¹⁰.

В рамках новой стратегии ЕС, осуществляемой с 2016 г. в отношении стран Центральной Азии, предпочтение отдается индивидуальному сотрудничеству с каждой из стран региона. Новая стратегия ЕС предполагает упор на расширение экономических проектов, в отличие от прежней стратегии, приоритетом которой были проекты в сфере политических реформ, развития неправительственных организаций, прав человека. В индивидуальном сотрудничестве со странами Центрально-Азиатского региона ЕС на первое место ставит Узбекистан, рассматривая эту страну как стратегического партнера. Особое внимание ЕС уделяет энергетическим проектам, нацеленным на реализацию “устойчивой энергетической политики”. Устойчивые энергетические проекты должны быть обеспечены соответствующим финансированием, которое можно получить, подключившись к программе “Возможности инвестиционной поддержки в Центральной Азии” (IFCA), которая позволяет привлекать гранты, техническую помощь для реализации энергетических проектов. Эти проекты включают разработку возобновляемых источников энергии, электроэнергетику или любых других в сфере ТЭКа, кроме добычи и транспортировки нефти. Помимо энергетического сектора, инвес-

тиции из ЕС будут направляться в сельское хозяйство, проекты по модернизации водного хозяйства. В реализации своей новой стратегии ЕС не навязывает свои проекты, а осуществляет сопряжение своих программ со стратегическими целями развития, актуальными для Узбекистана в рамках Стратегии развития Узбекистана - 2021. В Стратегии 2021 приоритетными являются такие направления, как рост доходов населения, создание рабочих мест, развитие частного сектора, усиление региональной торговли. И проекты ЕС вполне сопрягаются с этими целями. Узбекистан, будучи центром экономической политики ЕС в Центральной Азии с 2007 г., т.е. с момента разработки первой стратегии ЕС для этого региона, получил 70,6 млн евро, еще 168 млн евро будет выделено до 2020 г.¹¹

Япония в странах Центральной Азии

Свою стратегию в отношении стран Центрально-Азиатского региона Япония строит на основе двусторонних отношений. Приоритетными странами региона являются Казахстан и Узбекистан. Приоритетными институтами оперирования в Центральной Азии являются японские ТНК и финансовые структуры. В целом, японские компании в Центральной Азии занимают в последнее время выжидательную позицию, хотя и был подписан ряд соглашений о сотрудничестве. Так, по итогам заседания Японо-узбекского комитета по экономическому сотрудничеству в начале 2015 г. был подписан пакет инвестиционных, кредитных соглашений, проектов технического содействия. Общая стоимость привлекаемых японских инвестиций и кредитов в сферы электроэнергетики, нефтегазовой, химической, текстильной, электротехнической промышленности, телекоммуникаций, туризма, транспортной инфраструктуры и другие отрасли составляет 3,8 млрд долл. На заседании японская сторона подчеркнула, что правительство Японии будет активно и последовательно поддерживать усилия японских компаний и финансовых институтов по расширению и развитию торгово-экономического, инвестиционного и финансового сотрудничества с Узбекистаном¹².

В Таджикистане Япония использует другой подход в сотрудничестве: вместо ПИИ оказание грантовой помощи (17,5 млн на реконструкцию международного аэропорта в Душанбе)¹³.

Можно констатировать, что Япония в своей стратегии дипломатии “Шелкового пути” со странами Центральной Азии может рассматривать свою роль: во-первых, в обозначении своего при-

сутствия в странах Центральной Азии; во-вторых, в стремлении занять те сферы, ниши, в которые пока не проник китайский капитал, а также сдержать его тотальное проникновение; в-третьих, в концентрации своих усилий в регионе на Узбекистане, как ключевом игроке в Центральной Азии, не входящем в какие-либо интеграционные группировки; в-четвертых, в концентрации своих усилий на своем варианте “Шелкового пути” как во многом культурологическом проекте для укрепления положительного имиджа Японии в регионе. Серьезное противостояние китайскому проекту ЭПШП, а также интеграции стран ЕАЭС в нынешних условиях, в особенности в связи с активизацией переговорного процесса с Россией, Япония вряд ли планирует в ближайшее время.

В свою очередь, Южная Корея в последние годы обозначила свой “шелковый путь”, проходящий через Центральную Азию. Южная Корея обнародовала собственную инициативу для активной экономической интеграции в Азии путем создания единого транспортного коридора (Silk Road Express) от Пусана до Лондона с реализацией крупных энергетических в Центральной Азии, а также в Республике Корея и Китае. Цель этих планов - создание единого евроазиатского рынка как возможной альтернативы европейскому рынку. Корейский вариант “шелкового пути” предполагает использование значительной когорты корейской диаспоры, проживающей в странах Центральной Азии. Так же как и Япония, Южная Корея концентрируется на сотрудничестве с Узбекистаном и Казахстаном - ключевыми странами региона. Так, в Узбекистане в ходе визита бывшего президента Республики Кореи Пак Кын Хе в 2014 г. был подписан пакет соглашений, в частности по реализации совместных проектов в области освоения газового месторождения и строительству завода по переработке газа общей стоимостью 8 млрд долл.¹⁴ В Казахстане в ходе визита корейского президента была достигнута договоренность о создании инвестиционного фонда для финансирования совместных проектов. На стадии реализации в Казахстане уже находятся 15 совместных предприятий с общим объемом 22 млрд долл.¹⁵ Корейский бизнес также интересуется энергетическими проектами в Туркменистане. В 2014 г. было подписано соглашение между “Туркменгаз” и компанией LG и Hyundai о строительстве двух газодобывающих предприятий общей стоимостью 4 млрд долл.¹⁶ Южнокорейский “шелковый путь” сопрягается со стратегией выхода на “се-

верные рубежи”, освоения Сибири и Дальнего Востока и с активизацией сотрудничества со странами ЕАЭС. Республика Корея не примкнула к западным санкциям против России, и у нее, в определенной степени, развязаны руки для реализации такой стратегии.

Среди крупных мировых держав свой “шелковый путь” начертила и Индия. В 2000 г. Индия, Иран и Россия подписали совместное соглашение об организации трансграничного коридора “Север - Юг” (North-South Transport Corridor), который должен был способствовать развитию транспортных связей между Ираном, Россией, Кавказом и Центральной Азией. Этот проект представляет мультимодельный транспортный коридор протяженностью 7200 км. Его реализация могла бы стать альтернативой одного из векторов китайского проекта, нацеленного на Индию и Суэцкий канал.

В настоящее время транспортный коридор (ТК) “Север - Юг” состыкован на границе Азербайджана (в 2005 г. присоединился к проекту) и Ирана железнодорожным полотном. Этот грузопассажирский транспортный коридор свяжет Иран с железными дорогами Европы и рынками ЕАЭС. Индийская часть проекта “Север - Юг” охватывает маршрут от порта Дж. Неру и порта Кандла в западной части Индии до порта Бендер-Аббас в Иране, затем по автомобильной и построенной железной дороге в Азербайджан и далее в Россию. В перспективе планируется строительство железной дороги вдоль западного побережья Каспийского моря в Казахстане, в Туркмении и других центрально-азиатских странах.

Интересы Индии в Центральной Азии концентрировались на Казахстане с тремя секторами экономики: черной металлургией, топливным комплексом и отчасти в финансовом секторе. В качестве основного инвестора выступал Arcelor Mittal - индийская ТНК. Масштабные капиталовложения осуществляет корпорация ONGG Videsh, которая реализует проект бурения разведочных скважин в Казахстане общим объемом 400 млн долл.¹⁷

Индийские корпорации, демонстрирующие интерес к энергетическому рынку СНГ, в Центрально-Азиатском регионе представлены незначительно. Строительство и функционирование МТК “Север - Юг” должно способствовать активизации индийского бизнеса в регионе.

Заключение

В регионе Центральной Азии, как важной составной части большого евразийского пространства, разворачивается активная геополитическая

и геоэкономическая конкуренция. При этом проявляется тенденция смещения акцентов в сторону геоэкономики при их переплетении в настоящее время.

Причины, обуславливающие возрастание конкуренции, можно свести к следующим.

Во-первых, это самостоятельность как суверенных постсоветских государств Центральной Азии, играющих существенную роль в разного рода блоках (ЕАЭС, ШОС, ОДКБ и др.), так и стран, проводящих политику неприсоединения (Узбекистан, Туркменистан). И те и другие страны попадают в зону политико-экономических интересов ведущих государств.

Во-вторых, активизация экономической деятельности в регионе, продвижения в них глобальной китайской инициативы ЭПШП (ОПОП) не могла не привлечь внимания ведущих государств мира.

В-третьих, Центрально-Азиатский регион стал местом пересечения интеграционного проекта ЕАЭС и китайской инициативы ЭПШП. После небольшой паузы и Россия, и Китай сделали шаги в отношении нарастающего сотрудничества (“сопряжения”, “стыковки”). Этот формирующийся альянс вызвал заметную тревогу ведущих государств мира.

В-четвертых, выдвигание концепции “Один пояс - один путь”, или “Новый шелковый путь”, в свою очередь, вызвало реакцию по формированию собственных новых или обновленных концепций “шелковых путей” (США, Япония, Республика Корея). Основной целью этих концепций стало стремление занять определенные позиции в странах Центральной Азии, сформировать базу для своего национального капитала, притормозить нарастающую экономическую экспансию Китая, попытаться расщепить формирующийся альянс между Россией и Китаем.

В-пятых, броская идея “шелкового пути”, поднятая Китаем на глобальный уровень, находится вне конкуренции по сравнению с другими подобными концепциями в силу политико-идеологических, гуманитарных, экономических аспектов проработки и пропаганды модели “нового шелкового пути”.

Геоэкономическая конкуренция в Центрально-Азиатском регионе будет нарастать в энергетической, добывающей, металлургической сферах, на транспорте и в логистике, а также в сельском хозяйстве и некоторых других отраслях.

Для достижения стабильного, устойчивого социально-экономического развития в регионе необходим общий международный комплекс у

ведущих стран мира в “сердце Евразии” в интересах народов стран Центральной Азии, а также для формирования и развития комплекса транспортно-логистической индустрии для развития эффективных, взаимовыгодных связей между Востоком и Западом.

¹ *Фэн Юнцзюнь*. Геоэкономика Евразии: взгляд из Китая : доклад. Астана, 2015. С. 27.

² Деловой Казахстан. 2016. 15 янв.

³ *Авдокушин Е.Ф., Цой А.В.* ЕАЭС в системе современных процессов международной экономической интеграции // Вопросы новой экономики. 2016. С. 9.

⁴ В настоящее время ТАПИ, строительство которого началось в самом конце 2015 г., строится пока лишь на туркменском участке, а на афганском не было даже проектных работ. Пакистан занимает выжидательную позицию, а Индия объявила о том, что она не планирует покупать газ из ТАПИ по долгосрочной стабильной цене.

⁵ Кроме этого проекта, выдвигались и другие краткосрочные инициативы: “Большая Центральная Азия”, “Большой Ближний Восток” и др., с вовлечением в них центрально-азиатских стран.

⁶ *Панфилова В.* Вашингтон придумал тормоз для Китая // Независимая газета. 2016. 3 авг.

⁷ *Майстер Ш.* Геоэкономика Евразии : доклад. Астана, 2015. Февр. С. 33. URL: http://astanaclub.kz/Report_Geo-economics_of_Eurasia_rus.pdf.

⁸ Там же. С. 34.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ Совет Европейского союза. Заключение Совета по стратегии ЕС для Центральной Азии, Совет по международным отношениям. 2015. 22 июня. С. 4 (на англ. яз.). URL: <http://data.consiliumeuropa.eu/doc/document/ST-10191-2015-INIT/en/pdf>.

¹¹ *Панфилова В.* Евросоюзу нужны нефть и газ Узбекистана. Ташкент ожидает конкретных предложений от Брюсселя // Независимая газета. 2016. 24 мая.

¹² Сайт МИД Узбекистана. URL: wmm.fa.uz.

¹³ Там же.

¹⁴ *Строкань С.* Евразийская интеграция по-корейски // Коммерсантъ. 2014. 23 июня (□ 105).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Муминов А.* Индия - в Центральной Азии: лучше поздно, чем никогда // Zakon.kz. 2015. URL: <https://www.zakon.kz/4751205-indija-v-centralnoj-azii-luchshe.html>.

Поступила в редакцию 06.04.2017 г.